

АНТИТЕЗА ЗЕМЛИ И НЕБА В ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

М.Ю. Лермонтов был без сомнения сыном века философствующего духа, философской рефлексии, которая органично вплеталась в его творчество. Созвучно ли оно нашему беспокойному, порой чрезмерно меркантильному, времени? Думаю, вопрос не имеет однозначного ответа. Но бесспорно одно: поэзия Лермонтова и сегодня инициирует в сознании то состояние «философского беспокойства», которое заставляет ставить вопросы и искать на них ответы, обращаясь к духовным смыслам своего культурного наследия. А это значит, что у поэзии Лермонтова нет временных границ ее востребованности, хотя каждое новое поколение будет находить для себя своего Лермонтова.

В поисках нравственно-праведных основ бытия

Исток поэзии Лермонтова можно обнаружить в философской лирике В.Д. Веневитинова («Жизнь», «Я чувствую во мне горит...», «Жертвоприношение»), начинающего Ф.И. Тютчева («Silentium», «Осенний вечер», «О чем ты воешь, ветр ночной»), Е.А. Баратынского («Череп», «Смерть», «Мой дар убог»), в первых опытах стихосложения Н.П. Огарева («Когда в часы святого размышленья», «Монологи»). За этим поэтическим опытом закрепилось название *философского направления русской поэзии*, которое, по оценке Е.А. Маймина, адекватно отражало особенности и вектор культурного развития той эпохи, а за его последователями – имидж «*поэтов мысли*». В их лирике художественный образ выступал как символ, приоткрывающий завесу над тайнами мироздания, «прочувствованный открытиями ума» (И.В. Киреевский). Интуиция поэта, его поэтические прозрения облекали в поэтическую форму то, что рождалось работой «тайнственно волшебных дум». Разумеется, литературные критики, как и сами представители нового направления, вовсе не были склонны преуменьшать самостоятельную значимость и эвристическую силу художественного созерцания, лежащего в основе поэтического вдохновения, и, тем более, таинства стихосложения. Они лишь признавали в поэзии такое созвучие ума и сердца, при котором поэтическая фантазия становится «более музыкой мыслей и чувств, нежели игрой воображения»¹, а сама поэзия «проникнута существенностью». Это, по их убеждению, никак и ни в чем не противоречит природе поэтического творчества, которое, с одной стороны, никогда не бывает беспристрастным, а, с другой стороны, тяготеет к тайнам мироздания, «спрятанным» за явлениями повседневного бытия.

О! Если с чувством мысль сроднилась,
Поверь, она не обольстит:
Она недаром заронилась
И святость истины хранит.
(Н.П. Огарев. Когда в часы святого размышленья... 1833)

Такое устремление к единению чувства и мысли характеризовало и развитие философско-общественной мысли того времени, что не должно вызывать удивления, потому что логика развития поэтического восприятия всегда отражает, в конечном счете, логику развития культуры в целом и не в последнюю очередь логику складывающегося способа философствования. Последний в это время формировался под значительным влиянием немецкого романтизма и немецкой идеалистической философии, прежде всего философии Шеллинга, который усматривал в художественном постижении мира высший род целостного знания. Особенностью отечественного философствования стало включение в сферу понимания и объяснения мира морального сознания, ценности и нормы которого как бы «применялись» на открываемый познавательной деятельностью мир. Более того, рассудочное знание, покоящееся на доводах одной логики расценивалось как *духовно слепое*, не способное увидеть всего богатства феноменального мира, а, следовательно, и всей глубины стоящего за ним мира ноуменальных сущностей. Такая устремленность философской мысли, признание, что «сущее не делится на разум без остатка» (Гёте) требовали сопрягать понятия отвлеченной мысли со всеми, в том числе художественными, способами осознания мира². Позже, отмечая особенности русской философской мысли XIX в., В.В. Зеньковский писал: «В неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале “целостности” заключается, действительно, одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы, за редким исключением, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа»³.

Но если «поэты мысли» по большей части лишь *прозревали* новый путь развития поэзии, то Лермонтов *вступил на него*, не свернув с него ни разу, оставив нам поэзию, пронизанную художественным созерцанием жизни с высот Мысли. «Это поэзия человека, — писал П.В. Бицилли, — которому мало чувствовать, созерцать, переживать, который желает понимать, объяснять, определять»⁴. При этом желание «понимать, объяснять, определять» у Лермонтова окрашено романтическими поисками гармонии в мире, в собственной душе, в отношениях с Богом, ибо человеку нужен весь мир. На романтизме поэта лежит печать переживаний самого поэта, желаний, порой иррациональных, вкусить сладость бытия и в греховном, и в священном. И это был совершенно новый для отече-

ственной культуры мотив, долгое время зажатый господствовавшим духом византизма, подвергавшего страстные влечения души суду послушания и смирения. Русская поэтическая лирика конца XVIII – начала XIX вв. (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, Ф.Н. Глинка) демонстрировала торжество духовной трезвости, закрывая в поэзии место для «сумерек души». Лирика Лермонтова ломала эти каноны, она была, по сути, исповедью человека, переживающего, любящего, страдающего. В этом поэт противостоял даже своему кумиру А.С. Пушкину. «Бесспорная гениальность Лермонтова, возглавителя плеяды русских лириков, – писал В.В. Зеньковский, – намечает путь русского романтизма, который, правда, уводил русскую душу от той духовной трезвости и духовной ясности, которая так свойственна была Пушкину, но в то же время затронула силы души, дремавшие в ней до того»⁵. Конечно, поэт испытывал влияние европейского романтизма и, прежде всего, – пантеистической лирики Гёте и поэзии Байрона. Особенно велико было влияние Байрона, что и неудивительно, ведь он был «событием в жизни русского духа» (Вяч. Иванов). Личность Байрона завораживала, а его творчество неразрывно связывалось с идеями свободы, просвещения, гуманизма. Поколение, давшее отечественной культуре Пушкина, Баратынского, Тютчева, Герцена, Белинского духовно формировалось под влиянием этих идей и поэзии Байрона. Но поэт, быстро взрослевший, нашел свой путь в поэзии, и четко, с присущим ему максимализмом еще в 1832 г. определил свое отношение к европейскому гению.

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

(«Нет, я не Байрон ...», 1832)

Его душа откликнулась на прозвучавшую у Байрона идею о праве человеческой личности на свободное самоопределение лирикой, поставившей его в один ряд с европейскими поэтами. Более того, она вывела его за исторические и культурные границы его собственного времени.

Антитеза земли и неба

Сквозная философская идея поэтического творчества Лермонтова связана с темой дуальности земли и неба как двух полярных стихий человеческого бытия. Земля с ее «грустными песнями» в его поэзии постоянно оспаривает блаженства рая: «Мы блаженство желали б вкусить в небесах, но с миром расстаться нам жаль». На этом лейтмотиве держится лирический стержень всей лермонтовской поэзии. Я опускаю вопрос о том, носила ли тема земли и неба у поэта мистический

характер, как это утверждал Д.С. Мережковский⁶, или еретически-нищенский, как оценил ее Вл. Соловьев⁷. Мне важнее отметить, что включенная в стихотворную ткань, она инициирует философские размышления о тайне и сути мироздания и человеческой жизни, а поэтически-образная интерпретация стоящих за ней нравственных смыслов была воспринята современниками в качестве основания для нового мировоззрения, введившего поэзию в новое смысловое пространство. Лермонтовым было предложено такое осознание взаимоотношений человека с земным миром и с Богом, в котором полюса Бога и человека *тяготеют к тождеству*. С этим новым вектором интерпретации «небесного» и «земного» чуть позже будет связан поворот философской мысли в сторону «богочеловеческого» (Вл. Соловьев, С.Л. Франк). Лермонтов стоит у его истоков, он первый предложил, возвысив смысл любви до божественной сущности, нравственные основания для перевода «потустороннего» в «посюстороннее». Как справедливо отмечает А.П. Давыдов, начиная с Лермонтова «возникло новое понимание божественного, которое стало конкурировать с традиционным его пониманием на равных правах. Такого ясного изменения сущности божественного в российской рефлексии до Лермонтова не было»⁸. К сожалению, эта сторона лермонтовского творчества долгое время не была предметом исследовательского интереса. Все споры-диспуты о его творчестве обходили стороной этот смысловой пласт его поэзии.

Точкой пересечения/столкновения небесного и земного у поэта стал образ Демона. Демон входит в поэзию не только Лермонтова. Но у Лермонтова *свой* Демон. Он — его *постоянный спутник*, его душа, как вспоминал поэт, с детских лет чудесного искала: «...в уме своем я создал мир иной и образов иных существованье». Но главное, искания и страдания Демона, его поиски путей к внутреннему успокоению, желание любить и быть любимым носят исповедальный характер. Еще работая над первыми набросками поэмы Лермонтов признается:

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня.
(«Мой демон», 1831)

А чуть позже в стихотворении, написанном по окончании работы над второй редакцией «Демона» и представляющем собой своего рода послесловие к поэме, Лермонтов окончательно свяжет свое внутреннее «Я» с этим образом:

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой.
Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.
(«Я не для ангелов и рая...», 1831)

Образ Демона всегда будет присутствовать в поэзии Лермонтова, как созвучный собственным переживаниям, как передающий мироощущение души, ведомой одновременно и Богом, и Дьяволом. Это определит эмоциональный настрой и особый лермонтовский психологизм его поэзии, когда внешняя логика поступка героя маскирует действительные эмоции, душевные переживания и мотивы его поведения. Усилия Лермонтова всегда будут направлены на фиксацию расхождения видимого и внутреннего, скрытого для чужого взора, допуская двойственность истолкования одних и тех же поступков героя, сопутствующих им жизненных коллизий, фактов, событий. Эта «завеса» недосказанного, тайного, характеризующая образ Демона, наполняет поэзию Лермонтова своими загадками, завораживая стоящими за ним скрытыми смыслами. В этом плане примечательна идея наделить Демона способностью любить. Он, изгнанник рая (правда, неизвестно за какие конкретно несогласия с Богом, что тоже придает его образу дополнительную таинственность, открывая путь к домысливанию), обреченный на одиночество, вдруг открывает для себя путь к душевному успокоению «через молитву тихую любви». В душе Демона затеплился «луч нежданный», приблизивший его к земным радостям. И он готов ради них отказаться даже от своего «первородства»: «Что без тебя мне эта вечность? Моих владений бесконечность?», — признается он Тамаре. И с горечью добавляет: «Пустые звучные слова, обширный храм без божества!» Преобразующая сила любви, земного чувства, захватила его настолько, что он произносит слова клятвы, звучащие как раскаяние за прошлые прегрешения:

Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.

Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня —
И мир в неведение спокойном
Пусть доцветает без меня.

Правда, идея раскаяния облекается в такие чарующие стихи, что весь монолог Демона, обращенный к Тамаре, звучит, как незнающий аналога в мировой поэзии гимн любви. Желание любить и быть любимым рождает грезы о земной жизни как желаемой обители покоя и счастья.

Лишь только я тебя увидел —
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить, как ты, мне стало больно,
И страшно — розно жить с тобой.

Но эти грезы овладевают им *лишь на миг*. Потому что одновременно с земной страстью, с готовностью любить к нему приходит *понимание*: Бог и Человек, Небо и Земля — это два Абсолюта. Поэтому сами по себе противостояние Богу, как и согласие с ним, земное счастье, как и праведная жизнь в раю, не имеют позитивного смысла и исхода. Душа может найти успокоение лишь между этими двумя крайностями, вернее, сообразуясь с каждой из них на пути к компромиссу с ними, т.е. с самим собой. Таковой, по замыслу Лермонтова, лежит в сфере *божественно-человеческого*. Открытием этого нового измерения мира поэт ликвидирует по сути антитезу Земли и Неба. Для Демона же осознание этого факта становится причиной глубокой трагедии. Признание смысловой равнозначности небесного и земного, «с небом гордой вражды» и готовности отдаться земному чувству, вносит в его душу такой, говоря современным языком, когнитивный диссонанс, который для него, бессмертного, равносильен смерти, ибо он разрушал образ, который Демон для себя *выбрал и в котором в соответствии с этим выбором до сих пор жил*. Поэтому в итоге он остается тем, кем был до встречи с Тамарой — мрачный дух сомнения, для мира и небес чужой. Но, и это важно для понимания лермонтовской интерпретации образа, *с новым грузом воспоминаний о пережитых земных страданиях*. Он остается Демоном, *поверженным* — не Богом, а грузом неведомой ему ранее экзистенциальной проблемы: как остаться самим собой, отдавшись любви? Решения проблемы Демон, а с ним, думаю, и поэт, не нашел. Но пережитый счастливый миг все-таки изменил его вну-

тренний мир: в его душе навсегда поселилась печаль-тоска уже не только по небесному, как бывшему, а и по земному, как несбывшемуся, но возможному. Поверженный Демон проклял «мечты безумные свои», но он не проклял Землю, как мир новых, неведомых ему ранее жизненных смыслов.

Тогда в чем же смысл его исканий, земных страданий и споров с Богом? Наверное, в требовании права-возможности на свободный выбор образа жизни, на счастье и любовь. Суть протеста метафизична: он направлен против «коренной неправды бытия», которую поэт и его герой увидели в *оправданном Богом* ограничении свободы личностного самовыражения. В этом идея всей «демониады» как эмоционально-психологического средоточия лермонтовской лирики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Киреевский И.В. Обзорение русской словесности 1829 года // Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. С. 67.

² См.: Сиземская И.Н. «Сущее не делится на разум без остатка»: отечественная философская мысль о понятийно-художественном способе постижения бытия // Философия и культура. 2014. № 2 (74).

³ Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический Проект, 2001. С. 22 – 23.

⁴ Бицилли П.В. Место Лермонтова в истории русской поэзии // М.Ю. Лермонтов. Pro et Contra. Личность и идейно-художественное наследие в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Т. 1. – СПб.: Издательство русской христианской гуманитарной академии, 2013. С. 847.

⁵ Зеньковский В.В. М.Ю. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов. Pro et Contra. С. 944.

⁶ См.: Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов. Pro et Contra. С. 399 – 440.

⁷ См.: Соловьев Вл. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов. Pro et Contra. С. 381 – 399.

⁸ Давыдов А.П. Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России XIX – XX – XXI вв. – Москва; Алматы, 2006. С. 254.

REFERENCES

- Lermontov M.Yu. Works. 4 vol. Vol. 1, 2. Moscow, 1975 (in Russian).
 Lermontov M.Yu. Pro et Contra. Antologia. Vol. 1. V.M. Markovich, G.E. Potapova (ed.). Saint Petersburg, 2013 (in Russ.).
 Zenkovskiy V.V. *History of Russian Philosophy*. Moscow, 2001 (in Russian).
 Davidov A.P. *Believe Lermontov. Personality and social pathology in Russia of the 19th – 20th – 21st centuries*. Moscow, Almaty, 2006 (in Russian).

Аннотация

Обращаясь к поэтическому наследию Лермонтова, автор рассматривает философские смыслы его центральной проблемы – антитезы «Земля – Небо», показывая, что за ней стоят метафизические вопросы о жизни и смерти, божественном и повседневном, о Боге и праве человека на свободное самовыражение.

Ключевые слова: философская поэзия, творчество, свобода, Бог, Демон, «Земля – Небо», богочеловеческое, душа, жизнь, смерть.

Summary

Turning to the poetic heritage of Lermontov, the author examines the philosophical meaning of his central problem – the antithesis of the “Earth – Sky”, indicating that it is backed metaphysical questions about life and death, the divine and the everyday, about God and the human right to free expression.

Keywords: philosophical poetry, creativity, freedom, God, Demon, «Earth – Sky», divine-human, soul, life, death.